

«Делая любовную историю, вы оказываетесь в мире клише» *Интервью с вами в сериале 13.*

С режиссером фильма «5х2» ФРАНСУА ОЗОНОМ после венецианской премьеры встретился АНДРЕЙ ПЛАХОВ.

— Делая фильм, события которого разворачиваются в обратном хронологии порядке, вы, видимо, опирались на прежние опыты такого рода?

— Конечно, я смотрел «Необратимость» Гаспара Ноэ, «Два друга» Джейн Кэмпбелл и читал пьесы Гарольда Пинтера. Когда рассказываешь историю с конца, не надо все в подробностях объяснять, ибо конец публике уже известен. А я как раз и не хотел ничего объяснять — хотел, наоборот, задавать вопросы, ибо ответов я сам не знаю. Из-за того что зритель уже знает, чем все кончится, он сосредоточен не на том, «что», а на том, «почему».

— Если конец истории оказывается началом, что в этой ситуации становится истинным финалом фильма?

— В том-то и дело, что такая структура переакцентирует наше внимание на начало. А начало важно в любой истории, ибо зритель должен в нее поверить. К концу фильма он накапливает достаточно информации для того, чтобы увидеть в первой встрече героев, плывущих в открытое море, нечто большее, чем пляжный роман.

— Они плывут навстречу заката. Вам не казалось, что этот кадр выглядит как клише?

— Делая любовную историю, вы так или иначе оказываетесь в мире клише, и вы должны любить эти клише.

— Почти во всех ваших фильмах есть образ воды: это может быть бассейн, море, океан... Это что-то подсознательное, связанное со средиземноморской ментальностью?

— Я никогда не анализировал почему, но это правда. Вода — это что-то чистое, открытое. В моем последнем фильме сюжет движется к открытости: море — это жизнь. Было бы еще более символично заставить героев войти в бурное море. Но в день съемок море было тихим, и я оставил все как есть. Моря нет только в «8 женщинах» — но это ведь совсем искусственная конструкция.

— В вашем фильме прекрасный актерский дуэт. Как сумели актеры войти в придуманные вами образы?

— Стефану Фрейсу труднее всего далась сцена, когда его герой испытывает ужас, став отцом. Мне пришлось убеждать его: представь, что тебя бросили родители, а другие люди взяли на воспитание. А Валерия Бруни-Тедески так вошла в роль, что, играя финал, все время плакала.

— Финал настоящий, тот, что в жизни, или тот, что в фильме?

— Настоящий: ведь на самом деле все снималось в хронологическом порядке.

— Главная любовная история в фильме оттеняется двумя другими, отражается в них, как в зеркале. С одной стороны — родители героини, традиционная рутинная семья. С другой стороны — брат героя и его молодой любовник. Каков смысл этих противопоставлений? В том, что институт супружества себя исчерпал?

— Я ничего не имею против института супружества, если кому-то он подходит. Старшее поколение жило в атмосфере несвободы, даже развестись тогда было трудно. Они притерлись друг к другу, живут в моногамном браке, часто ссорятся, оскорбляют друг друга, выпускают наружу свою агрессию, но не расстаются. Молодые не хотят так жить — неважно, геи это или гетеросексуалы. Они считают себя свободными, но это не значит, что они более счастливы. Вопреки рассказам о прелести свободных отношений, мы видим в фильме, что его герои страдают и в такой форме союза.

— А вы сами предпочитаете традиционный или свободный союз?

— Я бы хотел прожить не одну любовную историю, а несколько. Я бы определил любовь как работу. По тому, чтобы избавиться от иллюзий, перестать идеализировать друг друга и при этом сохранить чувство.

*Озон
Франсуа
Озон*